

ЭККЛЕЗИОНИМЫ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Ономастическая лексика обладает не только номинативной функцией, но и кумулятивной. Национально-культурный компонент, по мнению многих исследователей-ономастов, свойственен именам собственным даже в большей степени, чем апеллятивам [Бугаева 2006]. Имя собственное обладает обширным лексическим фоном, под которым понимается вся совокупность непонятных «семантических долей», относящихся к слову, то есть дополнительной информацией, в том числе культурологического, лингвострановедческого характера. Имя собственное связано с отражением явлений материальной и духовной культуры, в связи с чем понятие 'топоним' может трактоваться как некий элемент, являющийся органической частью народной культуры.

Топонимы в целом и экклезионимы в частности содержат в своей семантике культурно-историческую информацию и связаны с менталитетом носителя языка, его культурой, историей. В силу специфики именуемых объектов, исторически сложившихся устойчивых ассоциаций и фоновых знаний, экклезионимы могут быть определены «как историко-культурные и пространственно-временные вехи жизни данного этноса и его языка» [Горбаневский 1996: 23], хранящие культурно-историческую информацию. Понятие культурно-исторической информации включает несколько взаимосвязанных блоков: информация об этнической истории, о социальной жизни, о материальной и духовной культуре народа.

Как считает Н.К. Фролов, русские экклезионимы, как и образованные от них полисонимы, ойконимы, урбанонимы, относятся к топонимам, «связанным с отражением церковно-религиозных мотивов». Они репрезентируют отношение носителей языка к православным святыням, христианским добродетелям, чудесным явлениям. В связи с этим их, согласно терминологии Д.Р.Амировой, можно отнести к **этнографическим топонимам** [Березович 2000: 17].

Демонстрация этнокультурной информации в экклезионимах имеет свои особенности. Так как при номинировании объектов окружающей действительности имядатель фиксирует не все, а только актуальные для него фрагменты картины мира, в топонимической номинации формируется определенная «сетка предпочтений», варианты которой в разных моделях мира не совпадают [Там же: 49]. Так, русские православные экклезионимы отражают предпочтения верующих, относящихся к данной культуре: это поклонение «своим» святым и иконам, почитание определенных праздников. Например, русские экклезионимы, в отличие от употребляемых в других языках и культурах, не включают агионимы *святой Себастиан*, *свя-*

тая Кармелита, которые очень почитаемы во Франции, Австрии, Италии и т.д. В свою очередь, западноевропейская традиция не предусматривает именование храмов в честь икон, как это распространено в русской культуре. Названия американских объектов культового назначения имеют свои, самобытные мотивы номинации, в соответствии с которыми церкви могут называться Blessed Sacrament (Святое Причастие) или The Visitation (Божье Наказание).

В русских экклезионимах содержится дополнительная этнокультурная информация «от человека» и о человеке. Выражая сходные характеристики объекта, экклезионимы образуют семантические группы, которые включают следующие «антропоориентированные» типы информации.

1. Информация о человеке в связи с особенностями его вероисповедания. Экклезионимы являются своего рода средством выражения религиозных предпочтений носителей языка через прославление в названии церкви имени святого, религиозного праздника, чудотворной иконы. Например, в России среди храмов, освященных во имя святых, самыми многочисленными являются храмы во имя святого Николая Чудотворца, что свидетельствует о том, что именно Николай Чудотворец является в русской православной культуре самым почитаемым святым, помощником «всякому во всякой нужде». Наличие в русском языке экклезионимов, восходящих к названиям чудотворных икон в честь Божьей Матери, и тот факт, что в числе наиболее распространенных церковных объектов, названных в честь религиозного праздника, – храмы, воздвигнутые в честь Покрова Пресвятой Богородицы и Успения Пресвятой Богородицы, и говорит о значимости культа Богородицы в жизни верующих.

В экклезиониме, хотя и очень редко, может отражаться также информация о контаминации религиозных представлений, взаимодействии христианской религии и суеверия (веры в предзнаменование, приметы). Например, экклезионим *Пустынь Николаевская Мокрая* (Волог. губ.), в основу которого вошел агионим *Николай* с дополнительным «прозвищным» именем святого *Мокрый*. В народно-речевой практике святой получил дополнительное имя-характеристику в связи с сельскохозяйственной, природной приметой, выпавшей на день памяти святого (по народному поверью, день Николая Мокрого приходится на самый дождливый месяц).

2. Субъективированная информация о географических объектах, отношениях между ними, отношении к ним человека, пропущенная через призму человеческих эмоций и оценок. Базовой для топонимов является информация о пространстве, месте расположения именуемого объекта. В экклезиониме информация о географическом расположении названного объекта зачастую выражается посредством антропоцентрических характеристик; в роли субъекта ориентации выступает сам субъект номинации. Такое явление наблюдается при образовании экклезионимов с ориентированными предложениями (*за, из-за, в, близ: Церковь Рождества Иоанна*

Предтечи за Пресненскими прудами; Церковь святого Николая Чудотворца

в Столпах; Церковь Вознесения Господня близ Лубянки и др.) или при создании определенного ориентационного поля, помогающего локализовать называемую реалию в пространстве (используются лексемы *ближний / дальний, верхний / нижний* и др.).

Эти связи значимы только для субъекта-наблюдателя. Ср. экклезионимы:

Верхний Спасо-Преображенский монастырь;

Нижний Воскресенский собор;

Дальний Пантелеймонов монастырь и др.

3. Субъективированная оценочная информация об объекте номинации, приводящая к отсубъектно мотивированной номинации [Рут 1992: 21]. Посредством такой номинации возникают экклезионимы типа *Монастырь Богородичный Тихвинский Добрый; Монастырь Добрый Покровский*.

Культурно-историческую информацию несут и многокомпонентные экклезионимы, совмещающие в себе два онима других разрядов: два агионима, агионим и иконим; агионим и эортоним; и т.д. Наличие в названии двух разноразрядных онимов позволяет передать информацию об истории церковной постройки. Например, экклезионим *Монастырь женский Пятницкий Введенский Подольный* (Моск. губ.) включает название двух церквей и топонимического ориентира. Происхождение такого имени понятно только после обращения к исторической справке, которая включает следующую информацию о монастыре: в 1547 году вместо деревянной церкви были построены две каменные: одна *Во имя Введения*, другая *Парасковей Пятницы*; первоначально монастырь был мужским и в 1561 году состоял за Троицкой Лаврою; игумены Троицкие в сырную неделю ходили к Введению на *Подоль* прощаться [Зверинский 1890-1897: 144].

Рассмотрим еще один пример: происхождение экклезионима *Николаевский Иорданский монастырь* (Киев) имеет такую историю: монастырь основан около 1615 года одним из паломников, бывшим в Палестине и потерявшим в реке Иордане серебряный ковш, который чудесным образом был обретен в колодце около Церкви святого Николая, которая уже существовала [Там же: 289].

Таким образом, русские экклезионимы являются источником информации историко-культурного, краеведческого характера.

Существенной особенностью экклезионимов в этнолингвистическом аспекте является также использование их во многих культурах (в том числе русской) в качестве постоянной словообразовательной базы полисонимов, урбанонимов, ойконимов: *город Архангельск, Воскресенский Малый переулоч, село Борисоглебское*. Это связано со значением самого именуе-

мого объекта в жизни народа, который является пространственным ориентиром в городской застройке.

Опираясь на результаты проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что в основе русских экклезионимов эксплицирована специфическая этнокультурная информация, носящая антропоцентрический характер и выражающая религиозные приоритеты носителей языка (представителей православной религиозной культуры), субъективированная информация о месте расположения объекта номинации, оценка самой именуемой реалии.

Литература

1. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
2. Бугаева И.В. Агиотопонимы: частный случай отражения ментальности в географических названиях // *Respectus Philologicus*, № 10 (15). –2006.
3. Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. М.: ОЛРС, 1996.
4. Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской Империи с библиографическим указателем. СПб., 1890-1897.
5. Рут М.Э. К вопросу о макро- и микро- в ономастике // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 20-23 сентября 2005 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005.

Н.Л. Шведова

*Волгоградский государственный
педагогический университет*

ФУНКЦИИ РЕКЛАМНЫХ ИМЕН В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. СТОГОВА

Относительно недавно вошедшее в обиход российских потребителей понятие «реклама» стало привычным явлением. Обилие пропагандирующей информации в средствах СМИ надоедает, а порой раздражает потребителя. Разумеется, производители, продвигающие свои товары и услуги на рынок, а также различные рекламные агентства, с помощью которых этот процесс собственно и реализуется, вынуждены придумывать новые